1927 г., осталось къ концу 1929 лишь 59. Причемъ: «среди нихъ имѣется и рядъ кон концессій, находящихся въ стадіи ликвидаціи» (см. «За индустріализацію», отъ 16-2). Инвестированный же иностранный капиталъ, какъ составлялъ въ 1927 г. «около 58 милл руб.», такъ и остался на этомъ уровнѣ въ 1929 г. И это, несмотря на то, что въ предложеніяхъ концессій недостатка не было, — за 3 лѣтъ концессіонной политики въ главный концессіонный комитетъ поступило 2.670 предложеній!

На фонѣ концессіонныхъ неудачъ оставалось только одно, казалось, свѣтлое пятно — работа самой крупной концессіи «Лена-Голльдфильдсъ». Но уже въ октябрѣ 1929 г., стало ясно, что дни и этой послѣдней, экономически значительной, концессіи сочтены. Появились сообщенія, что «на пленумѣ неаккуратной по отчисленіямъ въ казну оказалась «Лена-Голльдфильдсъ» (см. «Торгово Пром. Газ. отъ 23-10, 29 г.), что «къ день пуска храги концессіонеры устроили безплатный банкетъ для рабочихъ и служащихъ, приготовили спеціальные поѣзда, чтобы перевезти рабочихъ на пріиски. Но партійная организація провела надлежащее разъясненіе концессіонной затѣи среди широкихъ рабочихъ массъ, и побѣда упали пустыми.

Ставка концессіонеровъ ступенать классовыя противорѣчія, «дать копѣйку — на-

Въ зарубежной печати уже приводились свѣдѣнія о безобразной дракѣ въ одномъ изъ заседаній политбюро. Вотъ, что сообщаютъ по этому поводу «Дни» (ном. 92) изъ источника, не подлежащаго сомнѣнію:

«Столкновеніе началось чрезвычайно рѣзкимъ и грубымъ окрикомъ Сталина по адресу Ворошилова. Ворошиловъ бросилъ въ лицо Сталину какія то бумаги. Сталинъ выхватилъ револьверъ и началъ стрѣлять.

Въ Ворошилова не попалъ, но пули угодили въ Анасесова. Тогда на него набросились остальные, и произошла общая свалка, во время которой и помяли Сталина.

Убитаго Сталинымъ Анасесова торжественно похоронили. Подлинную причину его смерти тщательно скрыли. Въ газетахъ было глухо объявлено, что онъ давно страдалъ туберкулезомъ».

Классовыя привилегіи

Разныя группы населенія въ РСФСР уплачиваютъ по различнымъ ставкамъ за услуги, оказываемыя имъ коммунальными управленіями. Наркомфинъ предложилъ коммунальнымъ управленіямъ ввести съ октября 1930 года новый тарифъ, который еще болѣе подчеркиваетъ классовый характеръ льготъ по уплатѣ за коммунальныя услуги. Льготный тарифъ устанавливается для ниже оплачиваемыхъ рабочихъ и служащихъ, безработныхъ, студентовъ, находящихся на стипендіи, учащихся, пенсіонеровъ и инвалидовъ.

Для «нетрудовыхъ элементовъ» будетъ введенъ особый повышенный тарифъ. Всѣ остальныя группы населенія будутъ платить за коммунальныя услуги по ставкамъ нормальнаго основного тарифа.

(«Правда», 5 іюня).

Мясной голодъ

Въ виду острого недостатка мясныхъ продуктовъ въ городахъ, наркомторгъ СССР постановилъ сосредоточить всѣ мясныя заготовки на мѣстахъ, въ рукахъ уполномоченныхъ Союзмяса, организаціи, вѣдающей снабженіемъ мясомъ городовъ. Для того, чтобы заставить крестьянъ продавать скотъ мясозаготовителямъ, предписано всѣ имѣющіеся на мѣстахъ товары предназначить исключительно для оплаты заготовокъ скота такъ же, какъ масла и лица.

Установлены преміи промтоварами для крестьянъ, сдающихъ скотъ. Предписывается весь скотъ, задержанный для нуждъ посѣвной кампаніи, возвратить Союзмясу. Тѣ организаціи, которыя будутъ препятствовать скупкѣ скота мясозаготовителями, будутъ лишены снабженія концентрированными кормами.

Всѣ эти «жесткія» мѣропріятія объясняются необходимостію во что бы то ни стало раздобыть мясные товары для городовъ.

(«Пр. Газ.», 4 іюня).

Безплатныя консультаціи

ПО ВОПРОСАМЪ КАРТЪ Д-ИДАНТИТЭ, ПАСПОРТОВЪ ВИЗЪ И Т. П.

По случаю праздника, очередная консультація по вопросамъ картъ д-идантитэ, паспортовъ, визъ и т. п. состоится не въ понедѣльникъ, а во вторникъ, 10 іюня, въ 6 час. вечера, въ помѣщеніи «Послѣднихъ Новостей» (51, рю де Тюрбиго).

Въ аграрномъ институтѣ

БУРЖУАЗНАЯ ЗАРАЗА

«Правда» недовольна порядками, установившимися въ Аграрномъ институтѣ коммунистическая академія, основанномъ десять лѣтъ тому назадъ со спеціальной цѣлью создать «школу марксистскихъ аграрниковъ». Оказывается, что даже и въ этотъ марксистскій институтъ, состоящій подъ надзоромъ и покровительствомъ коммунистической академіи, проникла «буржуазная зараза».

«До послѣдняго времени, — пишетъ «Правда», — этотъ институтъ былъ буквально рупоромъ буржуазныхъ и мелко-буржуазныхъ аграрниковъ. Онъ создалъ цѣлый кадръ молодыхъ безпартійныхъ аграрниковъ, стоящихъ на буржуазной точкѣ зрѣнія, многіе коммунисты-аграрники, вышедшіе отсюда, оказались также несвободными отъ буржуазнаго вліянія».

(«Правда», 5 іюня).

День Русской Культуры

Программа сегодняшняго концерта въ Трокадеро

1) **Хоръ Афонскаго.** — а) «Слава» — П. Кедрова, б) Колыбельная пѣсня — Лабинскаго. в) Хоръ изъ оп. «Евгеній Онѣгинъ» — Чайковскаго.

2) **Цецилія Ганзенъ** (скрипка Махонина). Серенадъ Меланхоликъ — Чайковскаго. Русская карусель — Венявскаго.

3) **Балетъ Н. Нестеровской.** — а) Танцы лебедей, б) Вальсъ, в) На де труа. г) Русская.

4) **Квартетъ Н. Кедрова.** — а) Не плачите надъ трупами — Чайковскаго. б) Колыбельная пѣснь — Кедрова, в) Какъ за рѣчкой — Кедрова. г) Ты взойди солнце красное — Мусоргскаго.

5) **М. Давыдова.** — Арія Хиврн изъ оп. «Сорочинская Ярмарка» — Мусоргскаго. б) **Курцъ** (віолончель Махонина). Вариація на тему «Рококо» — Чайковскаго.

7) **Хоръ Афонскаго:** а) Разсвѣтъ — Толкачева. б) Хоръ изъ оп. «Рогнѣда» — Дагомыжскаго. аранжк. Лабинскаго.

У рояля А. И. Лабинскій.

— Макдональдъ вылетѣлъ на аэропланѣ въ Шотландію. Въ виду, однако, неблагопріятной погоды, аэропланъ вынужденъ былъ снизиться недалеко отъ Лондона, и премьеръ продолжалъ свой путь на автомобилѣ.

— По свѣдѣніямъ изъ Андаи (франко-испанская граница), въ Испаніи назрѣваетъ министерскій кризисъ.

Вѣсти отовсюду

— Согласно даннымъ послѣдней переписи населенія Мексика насчитываетъ 16 ст пол. милл. жителей. За послѣдніе 8 лѣтъ населеніе увеличилось почти на 2 милліона.

— Гранди выѣхалъ въ Варшаву.

— Государственный департаментъ официально доклелъ до свѣдѣнія банковъ, что съ его стороны не встрѣчается возраженій противъ выпуска въ Америкѣ займа согласно плана Юнга.

— Въ Саутхемптонѣ приступлено къ сооруженію гигантскаго гидроплана. Гидропланъ будетъ построенъ исключительно изъ металла и снабженъ 6 моторами мощностью въ 5000 лошадиныхъ силъ. Средняя скорость его будетъ 200 кил. въ часъ.

— Фордъ заявилъ, въ бесѣдѣ съ представителями печати, что наиболѣе острая фаза экономическаго кризиса въ Америкѣ миновала. Сейчасъ дѣло идетъ къ возстановленію нормальнаго положенія.

— Рокфеллеръ пожертвовалъ городу Нью-Іорку — наличными деньгами и земельнымъ участкомъ — 16 милліоновъ долл.

Докторъ Даніель

сообщаетъ своимъ клиентамъ, что открылъ новый Медицинскій Институтъ 36. bd Jules-Guesde à St-Denis. кот. снабженъ тѣмъ же оборудованіемъ и примѣняетъ тѣ же способы лѣченія, что и Радіологическій Институтъ 52. rue de Bondy, Paris.

Х-лучи, діатермія, ультра-фіолетовые лучи и т. д. Пр. съ 9 до 12 и съ 2 до 8 ч. веч.

10 лѣтъ русской гимназіи

11-го іюня въ 3 часа дня состоится въ новомъ зданіи русской средней школы (6, бульваръ Отей, Булонь) торжественный актъ по случаю 10-лѣтняго юбилея и освященіе новаго зданія.

14-го іюня въ 8 ч. 30 м. веч. въ помѣщеніи школы состоится банкетъ. Родители учащихся, бывшіе воспитанники и всѣ сочувствующіе культурнымъ задачамъ школы приглашаются принять участіе въ этомъ празднествѣ.

Предварительная запись принимается: 1) въ помѣщеніи школы (6, бульваръ Отей, Булонь), 2) въ Земгорѣ (33, рю де Прони), 3) у А. М Шефтель (20, рю де Сиври), тел. Отей 96-17, отъ 8 до 10 час. веч.

Взносъ за участіе въ банкетѣ 25 франковъ съ персоны.

Далекое

УЩЕЛЬЕ

Лѣсистое ущелье, предвечернее время.

Зеленой кудрявой смуглой, зеленымъ каракулемъ кажется надъ ними густой лѣсъ, покрывающій горные скаты противъ аула. Въ лѣсу кто-то жжетъ костеръ, голубой дымокъ далеко тянется надъ зеленой смуглой, и его прямой запахъ мѣшается съ минеральнымъ, сѣрнымъ лѣснымъ запахомъ.

Синее небо надъ горами безонно и ясно, — лишь впереди, гдѣ ущелье смыкается, стаѣнно стоитъ въ залу, а вчера изъ бѣлоснѣжныхъ клубовъ облако.

А тамъ, въ аулѣ, непрерывно звучитъ, восторженно плачетъ, переливно зовутъ и воютъ роговая дудка: звукъ горловой, дикій, чарующій и страшный, слушая который, думаешь о горныхъ козлахъ, о весенней грозной морѣ ихъ страсти.

Это танцуютъ на крышѣ сакли подростки-татары: одинъ стоитъ, надуя губы, выпучивъ бѣлки — играетъ, два другихъ, приставляя ладони къ глаза другъ другу, положивъ руки другъ другу на плечи, по козлиному подскакиваютъ, крѣпко притопываютъ на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Куда, въ какую райскую пропасть устремлены ихъ напряженный, радостный, остановившійся взглядъ?

На соѣдней саклѣ сидятъ на корточкахъ, вся сжалась и не опускаетъ съ нихъ глазъ подростокъ-дѣвочка. Она худенькая, но уже длинная: она еще въ одной рубахѣ, черная головка ея еще раскрыта; но глаза уже дивны и жутки, какъ у Архангела...

Какое душу раздирающее блаженство въ дудочныхъ переливахъ и вопляхъ!

ПОЖАРЪ

Богатый мужицкій хуторъ.

Загорѣлось, когда кончали ужинать, темнымъ и сухимъ осеннимъ вечеромъ.

Зажгли съ гумна, и только оно и сгорѣло, — было очень тихо. Отстояли даже ригу.

Хозяинъ, огромный, толстый мужикъ, все время сидѣлъ на крылышѣ старой избы, — сидѣлъ до полуночи, пока не прогорѣло и не потухло. На гумнѣ былъ адъ — такъ бѣшено орали и таскали огонь его сыновья и бабы. Онъ же не двигался, только глядѣлъ, какъ страшно и свѣтло былъ озаренъ весь дворъ красныхъ полымемъ, какъ блисталъ алымъ зеркаломъ прудъ и розовыми трепетными клубами стояли надъ дворомъ въ высокомъ небѣ облака, освѣщаемыя пеплу дрожащимъ заревомъ. Онъ все говорилъ, — очень спокойно:

— Богъ далъ, Богъ и взялъ. Мнѣ все равно, мнѣ этого не надо, я этого не чую и не чувствую.

Когда же догорѣло, сталъ кидать и рыдалъ не переставая двое сутокъ, лежа внизъ лицомъ въ ригѣ возлѣ воротъ, на старпоновѣ. Въ темнотѣ, въ дыры воротъ, сверкали на ней алыя пятна солнца и ходилъ, кивывалъ одинокій бѣлый голубекъ, опаленный на пожарѣ.

ДѢДУШКА

Сѣдъ, густоволосъ, лохматъ, весь день въ подштанникахъ и весь день куритъ.

Встаетъ ни свѣтъ ни заря и пока не закуритъ, не заговоритъ — совершенно шальной, ничего не понимаетъ, безсмысленно смотритъ запухшими глазами.

И необыкновенно ненуженъ, чужъ всему міру, всѣмъ чадамъ и домочадцамъ (хотя и зовутъ его нашанѣй, дѣдушкой) и вотъ-вотъ скоропостижно помретъ, на вѣки вѣчнемъ изъ этого мѣщанскаго гнѣзда, изъ этого уѣзднаго захолустья — и поди-ка узнай тогда, разскажи, чѣмъ и для чего жилъ онъ въ своемъ вѣчномъ табачномъ дурманѣ.

И все онъ играетъ какую-то роль:

— Дѣдушка, обѣдать! Лапша простынетъ!

— Да обѣдайте, обѣдайте безъ меня... Я потомъ... что останется...

А самъ ждетъ не дождется обѣда — съ ранняго утра.

— Папаша, вы хоть бы кальсоны перемѣнили, вѣдь у васъ цѣлая укладка бѣлья!

— Вотъ это спасибо! Цѣлая укладка! Да у меня клока цѣльнаго давно не осталось! Небось, кабы было, не стали бы бережь! Мнѣ теперь, милая невѣстушка, ничего не надо. Нежилъ, слава Богу, пора и честь знать, объ одномъ молю Бога — околѣть поскорѣй...

А самъ жаденъ невѣроятно, надъ уплаской своей дрожитъ и жить хочетъ ужасно и твердо надѣется прожить никакъ не менѣе вѣка.

Зачѣмъ?

Но онъ и самъ не знаетъ, зачѣмъ.

«Чужая душа потемки». — Нѣтъ, своя собственная гораздо темнѣй.

КРАСНЫЕ ФОНАРИ

Вечеръ наступалъ теплый, душный. Въ церквахъ звонили къ вечерницѣ, по старому деревянному мосту черезъ пересохшую рѣчку, гуди и стуча, катились извозчики — на вокзалъ, къ вечернему поѣзду. Гимназисты второклассники, не доходя до моста, повернули и пошелъ вдоль домовъ по узкой и ухабистой набережной. Дома эти были совсѣмъ особенные, необыкновенные, жутко волнующіе: надъ ихъ крылышами висѣли большіе красные фонари, а гимназистъ уже зналъ, что это значитъ. Остановясь противъ одного изъ нихъ, возлѣ деревянныхъ перилъ надъ обрывомъ къ рѣчкѣ, онъ сталъ дѣлать видъ, что онъ балуется, пилитъ отъ нечего дѣлать: то лѣзалъ на перила, — залезъ, — то слѣзалъ, а самъ все смотрѣлъ на домъ и прислушивался.

Ахъ, какъ все было хорошо, какъ интересно!

Внизу, въ полуподвальномъ этажѣ, сидѣлъ у раскрытаго окошечка рыжеусый унтеръ, видный только до пояса, безъ мундира, въ одной нестроевой синевой рубахѣ. Онъ тачалъ сапогъ, дѣлывалъ и раздергивалъ дратву и громко говорилъ:

— Ты чего шируешь, нахальничаешь? Ты чего, какъ у меня гости, лѣзешь не въ свою кампанію, невѣжа? Ну погоди, погоди, дай срокъ, я съ тобой посчитаюсь!

И это-то острымъ противнымъ голосомъ отвѣчалъ ему изъ глубины комнаты:

— Брешешь! Опять брешешь! Я не выходила, я на шкапомъ сай пила!

А на крылышѣ дома стоялъ столъ, уставленный темными пивными бутылками, а за столомъ сидѣли: дюжій, бородатый мужчина въ жилеткѣ и дѣвка въ красномъ размахаѣ и въ старыхъ мужескихъ ботинкахъ на босу ногу. Она, поставивъ очаровательныя оголенныя руки на столъ, быстро что-то говорила и заливчаво смѣялась. И вдругъ мужчина, до сихъ поръ сумрачно и также молчавшій, вскочилъ съ мѣста и, вали бутылки, схватилъ дѣвку за косу. И другая дѣвка, въ шелковой лимонной косоворотѣ, сидѣвшая и грызшая подсолнухи подъ окномъ возлѣ крыльца, съ крикомъ поднялась на порогѣ и кинулась бить мужчину кулаками въ голову, потомъ схватила его за густые бурые волосы и потащила черезъ столъ. Тотъ вырвался, упалъ задомъ на стулъ и, высоко поднимая руки, сказалъ неожиданно-спокойнымъ голосомъ:

— Ну, ну, будетъ, будетъ! За все заплачу...

А третья дѣвка, широколицая, курносая, въ бѣлѣномъ голубомъ бархатномъ капотѣ, хохлила, прелестно волнуя этотъ капотъ, сидѣ и вперелъ по тротуару и что-то задумчиво, томно напѣвала. Передъ ней бѣгала маленькая лохматая собачка. И приглядчикъ, проходившій навстрѣчу дѣвкѣ и очарованный ея капотомъ и голыми ногами въ легкихъ туфелькахъ, вздумалъ пошутить, игриво спросилъ ее:

— А нельзя ли васъ съ этой собачкой въ участокъ забрать за такія прогулки?

Но дѣвка гордо, не глядя на него, прошла мимо и ни съ того ни съ сего отрѣзала, раздувая ноздри:

— Кабы тебѣ самого не забрали, дурака этакого!

СКАЗКИ

Лѣтней ночью, въ саду, въ темномъ шалашѣ, сквозь дырявую крышу котораго видны звѣзды.

Яковъ лежитъ въ глубинѣ шалаша, мы сидимъ и куримъ на скамейкѣ у входа.

— Ну, разскажи еще что-нибудь Яковъ Демидычъ. Ты не спишь еще?

— Спать не сплю, а маленько потремыгаю. Ужъ дюже ночь хороша, тепло. Да и поздно, небось. Какой теперь часъ-то? Болѣ дѣвяти, пожалуй, наберется.

— Что ты, девять только что било.

— Гдѣ било?

— Караульщикъ на церкви билъ.

— А то чемъ этотъ караульщикъ можетъ время знать?

— Какъ по чемъ? По часамъ, конечно.

— Ну, это не часы. Въ нихъ мухъ сухихъ много. Я эти часы видѣлъ, былъ у него въ караулкѣ. Онъ ихъ потянетъ за пѣночку — онѣ прямо роемъ оттуда сыпятся. А что жъ вамъ еще разсказать? Сказку какую-нибудь? Аля событіе?

— Что хочешь. Мы и сказки твои любимъ.

— Это правда, я ихъ хорошо выдумываю.

— Да разнѣ ты ихъ самъ выдумываешь?

— А кто же? Я хоть и чужое говорю, а выходитъ, все равно, что выдумываю.

— Это какъ же такъ?

— А такъ. Разъ я эту сказку сказываю, значитъ, я свое говорю.

— Это очень интересно, то, что ты сейчасъ сказалъ.

— Конечно, интересно. Мои сказки интересныя. Только и событія бываютъ хорошія. Съ однимъ пономъ, къ примѣру сказать, такое событіе вышло. Было такъ-то, не хуже нашего, село съ плохимъ приходомъ и никогда, значитъ, священники эти тамъ не жили, потому какъ не могли себя обрабатывать, а жилъ одинъ попъ въ большомъ селѣ въ трехъ верстахъ отъ этого. — Служитъ, стало быть, на два села: раннюю обѣдню, положимъ, тутъ служитъ, а позднюю ѣдетъ туда служить. Одинъ и потребности всѣ справлялъ — и похороны, и при-

воздухъ, какъ огонь, проникалъ въ легкія, мысль падала подбитою птицей. Прохладныя воды Саймуно остались далеко позади. Не вѣрилось, что онѣ есть гдѣ то, были когда то. А вѣдь отъ нихъ не больше двухъ дней. Неужели не во снѣ на шафранномъ закатѣ колыхались черные кипарисы и нѣжно и ласково у плоской кромки сирійскаго дома шептали намъ стражи сказки потревоженные листья апельсиновой рощи? Сейчасъ страшно было за измученныхъ коней. Вотъ-вотъ остановятся и рухнутъ, и мы очутимся безпомощными въ этомъ пеклѣ. Нѣсколько такихъ мы встрѣтили по страшному пути «небесного гитѣва». Солнце ихъ высушило. Египетскія муміи могли бы позавидовать. Ни одинъ коршунъ не торчалъ на ихъ черныхъ каркасахъ. Небо, какъ и степь были пусты.

Слава Аллаху!

Что то мелькнуло вдали... Дрожитъ въ слѣпящемъ просторѣ. Пропало и опять выступило. Приземляются къ желтому каліе то черные комочки. Неужели жилья. Жалкія-жалкія Но все равно—тамъ кровля... А кровля значитъ тѣнь. А тѣнь здѣсь — жизнь и спасеніе. Едѣ люди — тамъ и вода... Вода, вода!.. Кони ожили... Откуда вернулась сила. Чахлыя деревья прыгали къ нескамъ. Къ песку снизились плоскія кровли, во всѣ стороны разбѣгаются смазанныя сохлою грязью изгороди... Во дворѣ дома побеглые (внутрь надо было не войти, а вползать) оселъ понурился и уши сѣбѣлъ. Символъ покорности судьбѣ. Глубоко втягиваетъ тонкіе бока. Зазмурился, открылъ пасть и тоже стоитъ дышетъ. Тощая коза нашла у стѣны клочокъ тѣни и легла туда головой, вытянувъ сюда острыя и какъ у Афродиты Эфесской многочисленные сосцы. Въ углу громадная плита сѣраго камня. Изубренныя ребра. Вся она подъ грудями осленаго и козьяго помета — «на зиму» — объясняетъ проводникъ. Теперь ихъ высушатъ, а въ дожди и холода будутъ жечь. Печь хлѣбы и кумуу варить... Дожди и холода — не мечта ли это геенны огненной объ окоченѣломъ, студеномъ полюсѣ.

Только когда солнце уже было близко къ закату — стало легче. Жилье сѣѣной стѣнкою обернулось къ нему. Съ востока дышала остывающая даль.

Мы выползли.

— О, это Инеевія или Вавилонъ.

Разгребъ немного и весь такъ и насторожился.

— Надо попросить хозяина расчистить камень.

— Не согласится.

— Это очень-очень важно.

Проводникъ поговорилъ съ хуѣмъ и длиннымъ, какъ высохшая на солнцѣ жердь арабомъ сверкавшимъ на насъ хищными, обѣжавшимися къ переносицѣ, глазами. Онъ было поколебался, даже сбросилъ часть помета крючковатыми, похожими на когти пальцами какъ вдругъ выскочила черная морщинистая вѣдьма и «заныла, какъ раненая чекалка на всю эту деревушку. Словъ ея и проклятій я не уразумѣлъ, но понялъ: исполнись хоть часть ея пожеланій — отъ насъ въ этой пустынѣ не осталось бы и пепла. Рядомъ изъ пусть сосѣдней крови выбѣжала другая. И тоже заголосила. Я нашелся. Вынулъ серебряное медяницѣ Подалъ. Потокъ заклинаній разомъ иссякъ. Точно въ горячій песокъ ушелъ. Еще бы! вцѣпилась въ монету и мгновенно ее за щеку. Выплюнула на камень: звенитъ. Потрообовала желтыми, какъ у волчицы, зубами. Попюхала. Точно у нея изъ пещъ оборванного рукама родилась лопата. Загребала навозъ прямо на материнскую грудь косматой четвероногой Афродиты Бережно, бережно, чтобы ни одна горсточка не пропала. Обижен - на Афродита — однимъ прижкомъ на кружку и на весь солнечный просторъ заблеяла, жалуясь. Письмена клинышки и черточками вытянули. Мой спутникъ, какъ жалкутлий олень къ источнику водному — припалъ къ нимъ... Побѣжалъ за водой. Промылъ плиту. Гвоздеобразныя строки — ясиѣе...

«Я богъ боговъ Владыка жизни и смерти. Царь неба и повелитель ада. Огнеопашащій, огнеугробный, огнемощный. Всевскрепляющій, всесохраняющій дыханіемъ усть. Сущее — прахъ подъ ногою моей, и земля и небо повинуются мнѣ. Я богъ великій, иные боги горъ, пустынь и морей, рабы моей тѣни Горы рухнутъ въ уничиженіе, моря изсякнутъ, а я буду солнце-сѣѣяющій, солнцесвѣтающій и солнцеводящій глаголатъ гоомами и молніями. Питайте мое пламенѣющее чрево невѣнцами вашихъ женъ и сталъ, обильною добычею вашихъ побѣдъ, которыя я дарую вамъ надъ невѣдающими меня или отвѣтствующимися племенами земли. Я единый богъ боговъ и не было и нѣтъ и не будетъ равныхъ мнѣ перелъ которымъ я царь и чрезъ одинъ пахъ!..»

Мы записали

Жаль нельзя увезти эту плиту съ собою. Я рѣдко встрѣчалъ такъ хорошо сохранившуюся надпись.

Хозяйка опять взяла лопату. Покрыла ослиномъ пометомъ откровеніе бога боговъ, владыки жизни и смерти На этой горячей плитѣ навозъ лучше высыхалъ подъ солнцемъ къ замѣ Клинообразныя словеса Единаго и Великаго скрылись опять Точно

Люди, проповѣдующіе смерть

Сотрудникъ «Нейе Фрейе Прессе» познакомился въ Бухарестѣ съ представителями небольшой секты, ведущей усиленную пропаганду и пользующейся извѣстнымъ успѣхомъ среди нѣкоторыхъ слоевъ населенія. Называютъ себя сектанты «христіанами». Ученіе секты необычайно характерно для нашей эпохи.

Возникла секта «христіанъ» въ Сѣверной Америкѣ. Тамъ она насчитываетъ нѣсколько тысячъ приверженцевъ. Обшины «христіанъ» есть въ Лондонѣ и въ Парижѣ.

Ученіе секты

Ученіе секты изложено въ слѣдующей печатной программѣ на французскомъ языкѣ:

«1. Человѣкъ — это то, что уже преодолѣно. Поэтому мы должны стремиться къ тому, чтобы человѣкъ вымерло.

2. Нѣтъ смерти, какъ нѣтъ и жизни. То, что мы называемъ жизнью, иллюзія.

3. Наше высшее стремленіе должно быть направлено къ тому, чтобы умереть.

4. Наша первая обязанность поэтому — содѣйствовать вымиранію человѣчества. Членъ секты не живетъ половой жизнью и лишенъ, по возможности, стремиться къ тому, чтобы и у другихъ гражданъ также не было дѣтей.

5. Мы должны ѣсть возможно меньше. Чѣмъ меньше мы будемъ ѣсть, и чѣмъ хуже мы будемъ жить, тѣмъ скорѣе приблизимся къ смерти.

6. Дни, которые мы вынуждены провести до смерти, слѣдуетъ посвящать молитвѣ. Надо громкимъ голосомъ читать Библію и пѣть псалмы.

7. «Христіане» не курятъ и не пьютъ алкоголя. Они по встрѣчаются съ людьми, ведутъ уединенную жизнь и готовятся къ смерти».

Бесѣда съ Еленой Клотцъ

Сотрудникъ вѣнской газеты бесѣдовалъ съ одной изъ руководительницъ секты, Еленой Клотцъ, и она ему сказала:

— Мы дошли до конца вещей. Намъ кажется, что всѣ откровенія и всѣ ученія о спасеніи человѣчества напрасны. Соціализмъ, вегетаріанство, натурализмъ и прочія панацеи для спасенія человѣчества безъ смысленны и вздорны. Ничего не принесетъ и фашизмъ. Мы знаемъ, что въ наше время многіе невѣрующіе опять обратились къ религіи. Но и это ни къ чему. Коммунистическій строй не лучше капиталистическаго. Все — иллюзіи и обманъ. Мы убѣждены, что людямъ никогда ничего не удастся. Людямъ надо исчезнуть. Самоубійство не можетъ быть рѣшеніемъ вопроса, потому что массовыя самоубійства связаны съ потрясеніями и рождаютъ волю къ жизни у живыхъ. Нѣтъ. надо медленно вымирать, такъ, чтобы земля превратилась въ пустыню, и исчезъ на ней родъ человѣческій.

Третій день въ Парижѣ стоитъ прекрасная погода, и уже вчера съ раннаго утра начался массовый исходъ парижанъ въ деревню, къ морю и въ горы. Со всѣхъ вокзаловъ отходятъ дополнительные поѣзда. Отъ воротъ тянутся безконечныя вереницы автомобилей. Особенно велико движеніе машинъ отъ Порть де ла Шапель, Майо, Нары, Италіи и Шуази. На дорогахъ установлены спеціальныя дежурства полицейскихъ для регулированія движенія.

Метеорологическая станція предсказываетъ на праздничные дни хорошую погоду, но считаетъ возможнымъ, что въ понедѣльникъ она испортится. Грозовыя тучи могутъ прійти изъ центра Франціи и долины Роны.

Убійство на рю Лафайеттъ

Въ пятницу, въ 5 час. дня, въ большую аптеку на углу фобуръ Монмартръ и рю Лафайеттъ вошли два господина, а слѣдомъ за ними — молодая женщина. У приказчика женщина подошла къ одному изъ вошедшихъ и начала его о чемъ то умолять. Было слышно, какъ онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, оставь меня! Все кончено, ты слышишь?

И, обращаясь къ продавщицѣ, сказалъ:

— Дайте мнѣ, пожалуйста, аспирину.

Спокойно размѣренными жестами, молодая женщина открыла сумку, вытащила револьверъ и выстрѣлила — разъ, другой, третій. Человѣкъ упалъ.

Подошедшій врачъ констатировалъ смерть.

Жоржетта Одо

Убійцу доставили въ комиссаріатъ. На допросѣ она такъ же спокойной заявила:

— Меня зовутъ Жоржетта Одо, я — продавщица, мнѣ 29 лѣтъ. Того, кого я убила, зовутъ Исакомъ Эйшискинымъ, ему — 28 лѣтъ. Онъ — американскій гражданинъ. Его родители живутъ въ Парижѣ. И они, и мы сами торгуемъ брилліантами и драгоцѣнными камнями.

Причина драмы

Весной 1926 г. Исакъ Эйшискинъ познакомился съ красивой продавщицей. Два года они прожили счастливо. Эйшискинъ, человѣкъ богатый, отдѣлалъ для своей возлюбленной квартиру и давалъ ей много денегъ. Она бросила работать, прекраснѣла отдѣлалась. Жоржетта очень любила Эйшискина, но постоянно его ревновала и часто устраивала ему сцены.

200.000 франковъ за разрывъ

Въ прошломъ году Эйшискинъ завелъ своей возлюбленной, что долженъ порвать съ ней, такъ какъ собирается жениться. Жоржетта потребовала 200 тысячъ франковъ. Эйшискинъ далъ 20 тысячъ. Молодая женщина все время преслѣдовала его. Одинъ разъ на улицѣ ударила его зонтикомъ по головѣ съ такой силой, что зонтикъ сломался Уличныя сцены нѣсколько разъ кончались въ полицейскомъ комиссаріатѣ квартала Фобуръ-Монмартръ. Въ январѣ Жоржетту продержали въ участкѣ нѣсколько часовъ пока она не успокоилась.

Убійство

Въ пятницу, выйдя со своимъ шуриномъ изъ конторы Эйшискинъ опять повстрѣчалъ Жоржетту Одо Она вновь стала умолять его бросить жену. Началась обычная сцена. Желая положить ей конецъ, Эйшискинъ зашелъ въ аптеку. Остальное извѣстно.

Послѣ Эйшискина осталась 20-лѣтняя вдова и двухмѣсячный ребенокъ.

Скрипка Махонина

На концертѣ для русской культуры, который состоится сегодня въ Трокадеро, съ любезнаго согласія изобрѣтателя будетъ демонстрироваться скрипка и віолончель П. И Махонина. На первомъ инструментѣ будетъ играть Цецилія Ганзенъ, а на второмъ г. Курцъ.

частіе. А попъ этотъ грѣшный былъ, пьяный, сквернословъ, ни одной бабы видѣть не могъ — такъ и лѣзетъ на исповѣди. И опять же жадный: налуетъ ему, скажемъ, пятокъ яицъ, такъ нѣтъ — подавай десятокъ. И вотъ, случись такъ, сидитъ онъ разъ въ домѣ у себя, а ужь поздно, дѣло осеннее и дождь хлещетъ. Мѣсяцъ хоть примеркалъ, а все таки видно въ окна. Вотъ онъ и видитъ — подъѣзжаетъ черный скрытный фаэтонъ къ дому, вродѣ карета барская. Слѣзаетъ, обыкновеннымъ маневромъ, кучеръ съ этой кареты, стучитъ въ двери, входитъ. Понятно, мокрый весь, глаза блестятъ, въ бакшькѣ. Говоритъ: «Скорѣе, батюшка, — ѣдемъ. княгиня помираетъ». Сталъ ему священникъ грубо отвѣчать: «Куда тебя, молъ, такой сикой, въ такую погоду принесло? Не хочу ѣхать!» Ну, однако, уговорила его понадья, согласился. Сѣли, поѣхали. Лошади несутъ, ажъ грязь отскакиваетъ. Сидитъ священникъ въ каретѣ, и стала его совѣсть мучить, хочется ему отправляться передъ кучеромъ, за что, молъ, я ругалъ его такъ, — бываетъ, опять выпивши былъ, ну, а пьяный, извѣстно, всегда кататься любитъ. Отворялъ онъ дверцу, задралъ ему вѣтеръ волосы назадъ, сѣчетъ ложемъ въ лицо, а онъ кричитъ: «Прости меня, кучеръ, я, молъ, человѣкъ грѣшный, горячій!» Молчитъ кучеръ. Онъ опять кричитъ — опять кучеръ безо всякаго вниманія, не оборачивается даже. Взяла попа жуть, глянулъ онъ такъ-то въ поле и видитъ: плетъ къ нему навстрѣчу полная солнцпая лома, самая эта, значитъ, мертвая княгиня. Ахнулъ онъ, схватился за Святые Дары — «Господи!», говоритъ. И только сказалъ — нѣтъ тебѣ ничего, ни кучера. ни кареты, а сидитъ онъ въ полѣ на камнѣ верхомъ, на колѣвыхъ скубую свою лержитъ... Темь, ночь, дождь такъ и порчетъ...

— Ну, и что же потомъ съ этимъ священникомъ было?

— А то и было, что пришли парнѣ мужики и сняли его, чуть живого, съ этого камня...

Молчаніе. Тихо, темно, звѣзды. Какъ земляника, краснѣютъ огоньки нашихъ папиросъ.

— Такъ. Это, значитъ, событіе. Ну, а сказку не разсказешь?

— А сказку вамъ можно разсказать такую: про мужичка Чувила и про Бабу-Ягу. Жилъ, значитъ, мужичекъ Чувило и былъ у него сидитка за избой, а въ сидиткѣ яблоня, а на яблонѣ этой возьми да и вырости золотое яблочко. Ну, конечно, сошелъ Чувило съ ума отъ такой радости, стерегетъ его пуще зѣницы ока, все не рветъ, надѣется, что оно еще маленько подростетъ, день и ночь въ саду сидитъ. Только разъ сидитъ онъ такъ-то, а она Баба-Яга, и вотъ она: перекинула ногу черезъ плетень и прямо къ нему. Носъ крючкомъ, голова сучкомъ, нога желѣзная, сама стриженая. И такъ-то весело: «Здорово, мужичекъ, сорви-ка мнѣ это яблочко, угостя меня!» Ороблѣлъ Чувило по смерти, не посмѣлъ отказать, трихнулъ яблоко... «Да нѣтъ, говоритъ, ты, мужичекъ, мнѣ изъ ручки въ ручку дай!» И, значитъ, цапъ его за руку да въ лѣсъ, въ избушку свою. А въ этой избушкѣ лѣсной сидитъ, значитъ, дѣвки ея простоволосыя, Аленка-Коза да Акулька-Егоза. Вотъ вошла Яга къ нимъ да и говоритъ этакъ мелькомъ старшой: «Сжарь-ка мнѣ, Аленушка, Чувила къ ужину, а я пока еще по одному дѣлцу сѣбгаю»... Аленка сейчасъ печь разожгла, посадила Чувила на лопату хлѣбную — и разъ его въ огонь! Да нишь, не тутъ то было: уперся Чувило, раскорячился, — никакъ не всунетъ его дѣвка въ эту печь. разозлилась, кричитъ: «Что-жъ не лѣзешь, дуракъ, что ты меня кучу - ешь?» А Чувило и взаправду дуракомъ прикинулся: «Напрасно сердишь, говоритъ, я бы, говоритъ, съ радостью влѣзъ, да у меня умѣнья нѣтъ Ты поучи меня, какъ мнѣ сѣсть поступнѣй. присѣлъ на минутку съ мозъ. — «У, сѣрый пень, да ты сядь вотъ такъ, по моему» Вскочила на лопату бочкомъ, подхватила подолъ а Чувило, не будь глупъ, — шмыгъ ее въ печь!

— Сжарилъ, значитъ, вмѣсто себя?

— За милую душу. Ну, только рѣчь о томъ, что добавилъ все таки эти Яга до крестьянина. Прибѣжала домой, маленько ахнула, — жалко понятно, точь, — и поскорѣй сама за дѣло взялась! опять сажаетъ Чувила, тамъ-то его къ огню за еще посѣ нается: «Ужъ и легокъ ты Чувило, одна косточки!» — «А ты какъ, отвѣчаетъ Чувило, ты не жаръ меня, авось на вѣкъ не налопаешься, сама-жъ говоришь, что я большо хуръ.» — «Да мнѣ и лопать то не хочется». — «Вотъ те на! Такъ чего-жъ тебѣ хочется»? — «А поиграть попробовать, посмотрѣть какъ ты будешь въ огнѣ съ тежиться: я вѣдь. Чувило, веселая»! — Ловко. ай нѣтъ?

— Куда ловчѣй!

— Ну, а къ чему-жъ эта сказка придумана?

— А по твоему къ чему?

— Вотъ то-то и есть. Я вамъ загадалъ, а вы подумайте...

Потомъ Яковъ проситъ у насъ «сигарочку», закуриваетъ и ложится спать. съ удовольствіемъ затягивается — «ухъ, слад - кая»! и начинаетъ «свое самое любимое» ужъ совсѣмъ страннымъ языкомъ:

— За горами за лѣсами, за широкими, значитъ, морями и не на небѣ, на землѣ, жилъ старикъ въ одной селѣ, и у крестьянина было три сына. Большій былъ умная голова, середній съ бусовью а младшій съ придурью, — по совѣсти сказать, совѣмъ дуракъ...

— Вотъ эти братья сѣяли значитъ, пшеницу и возили въ царскую столицу, — тамъ они нѣ, конечно, продавали, а деньги светомъ пришпали и поскорѣе воротились ко двору; а то, пропенъ часъ, и они бешися. — зашелъ сказемъ, вынить на суставчикъ, а замѣсто того и осымуки показалось мало...

— Ну, вотъ такъ, честно. благородно, и братьи они дѣло только вдругъ, въ долгомъ-ли, въ скоромъ-ли время приключился имъ горе: стѣй-то ночью стали хозить и пшеничко ихнюю шевелить, — обивать, значитъ Они сейчасъ другъ другу смекнули, чтобъ стоить въ полѣ на караулѣ, и какъ, значитъ, стало смеркаться, вышло старшому брату собираться. Онъ беретъ вилы, топоръ и отправляется вроѣ какъ на дозоръ, а самъ у вловы у сусѣдки усю ночь въ клѣти пробылъ, а на поле караулить и вовсе не ходилъ. Утромъ разсвѣтаетъ, онъ и приходитъ домой на крыльно и стучитъ въ кольцо, — молъ, отворяйте скорѣе, застылъ весь. А куда тамъ застылъ лучше всякой бани напарился!

— Братья ему двери сейчасъ отворили и давай его вспрашивать, не видалъ-ли, десять, чего дивовинного. Онъ имъ отвѣчаетъ, на мою счастью, говоритъ, и ничего не видалъ, — на мою счастью, лежа сходилъ былъ. Потомъ стало во второй разъ смеркаться, надо середнему брату собираться. Онъ сейчасъ взялъ вилы топоръ и отправляется будто на дозоръ, а самъ пошелъ на сѣнницъ и такъ-то сладко проспалъ, ужъ слюни потекли. Наранѣ приходитъ, выходитъ на крыльно и стучитъ опять въ кольцо, — молъ, отворяйте скорѣе, я, говоритъ, вымокъ весь. Братьи двери отворяли и опять давай его пытать, не видалъ-ли чего дивовинного, а онъ опять имъ отвѣчаетъ, что на мою, молъ, счастью, лежа лежа спаленъ былъ, такой, говоритъ трескуча, я весь мокрый пришелъ. А какой тамъ мокрый, — онъ и сего взялъ да водой весь облился чтобъ, значитъ, ему больше повѣрили... Чуете, намекъ-то какой?

— На кого намекъ, Яковъ Демидычъ?

—Да хоть на меня на такого-то. Вы, небось, думаете — онъ сидъ караулитъ, а и лежу себѣ да тѣмъ спомъ занимаюсь. — Ну, да ладно. Слушайте, что дальше то будетъ:

— Тутъ, значитъ, кинулся къ нему отецъ, ты, говоритъ, у меня первый молодецъ, теперь, говоритъ, двое, слава Богу, откараулили. Потомъ въ третій разъ стало смеркаться, надо меньшому дураку собираться, а онъ и ухомъ не шелетъ, на печкѣ каряжи деретъ. Тутъ братьи стали его умолять, — или его воспрашать, — обязательно, говоритъ, тебѣ Ваня, надо итить, ты говоритъ у насъ всему голова. А онъ опять свое, — лежитъ, не слухается ихъ. Потомъ стали умолять его отецъ, ступай, молъ, Ванюша, на караулъ, и пойду на базаръ, куплю тебѣ, говоритъ, бобовъ, а еще шапочку съ краснымъ околомъ и съ грецмучимъ позвонкомъ, — ну, и уговорилъ его...

— Этотъ Ваня съ печи, значитъ, слѣзалъ, малахай на себя надѣвши, кушачкемъ подпоясываетъ, кладе за пазуху краюшечкю и отправляется на этотъ самый карауръ, на стражу Вотъ онъ обгуръ поля обходитъ и къ кусту подходитъ, къ какому-нибудь, значитъ, дереву фактовому: сѣлъ подъ тѣмъ кустомъ, зѣвалочки на небѣ считаетъ, а краюшечкю уплетаетъ Вдругъ ему чтой-то на умъ блеснуло, онъ глянулъ въ пазуху рукавицы и осмотрѣлъ бѣлую кобылицу, а кобылица та была ровно какъ зимушка бѣла Ну, онъ и обратовался. Стой, думаетъ себѣ, что за диво такая? Сейчасъ ее догналъ, затомъ напередъ осѣдлалъ, за хвостъ ухватился и по полю покатился. Она его и помчала, — мчала по горамъ, мчала по лѣсамъ потомъ, стало быть, остановилась и къ дему съ рѣчью обратилась, я, говоритъ, приведу тебѣ двухъ коньковъ золотогривыхъ, всѣ въ мелкихъ хвостъ кольца завитыя.

— Постой, Яковъ Демидычъ, это что-то неладно. Какъ это «въ мелкихъ хвостъ кольца завитыя»?

— А такъ, волнчатый значитъ хвостъ, весь въ кольца завивается. Да вы не сбивайте меня, а то мнѣ скушно станетъ...

Уходимъ мы поздно, когда уже красѣетъ за поперѣвшимъ и ставшимъ какъ будто меньше и ниже садомъ зарево восходящего уцербленнаго мѣсяца.

Ив. Бунинъ.

1930 г.